

0 773201

На правах рукописи

ЖБурн

БУРЦЕВА Жанна Валерьевна

**ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ЯКУТСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ: ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

Специальность 10. 01. 02 – литература народов Российской Федерации
(якутская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Якутск – 2008

Работа выполнена на кафедре якутской литературы факультета якутской филологии и культуры ГОУ ВПО «Якутский государственный университет имени М.К. Аммосова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Сивцева Прасковья Васильевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Покатилова Надежда Володаровна,
ГОУ ВПО «Якутский государственный университет имени М.К. Аммосова»

кандидат филологических наук, доцент
Пашкевич Ольга Иосифовна,
Ленский филиал Новосибирской государственной академии водного транспорта

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Защита состоится «23» декабря 2008 г. в «14.00.» часов на заседании диссертационного совета Д 212.306.06. при ГОУ ВПО «Якутский государственный университет имени М. К. Аммосова» по адресу: 677891, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Якутского государственного университета имени М. К. Аммосова.

Автореферат разослан 20 ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439050

Ученый секретарь
диссертационного совета

П.В. Сивцева

Актуальность исследования. Взаимодействия культур, сильно и качественно возросшие во второй половине XX века, связываются с процессом глобализации. К числу социокультурных признаков развития современной культуры исследователи относят формирование транснациональных авторов, занимающих промежуточную позицию между несколькими нациями и традициями; сосуществование в одном пространстве авторов, пишущих на разных языках и происходящих изначально из разных культур. Формирование новой исследовательской проблемы транскультурной литературы обусловлено актуальностью в литературоведческой науке проблем культурного многообразия. Результаты «культурного синтеза» в художественном творчестве ныне представляются как одновременное действие различных культурных голосов «в одной точке» – в одном произведении и в создающем его творческом сознании.

Вопрос о продуктивности взаимодействия «своего» и «чужого» в развитии любой национальной литературы давно интересует исследователей (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, А. Дима, Ю.Н. Тынянов, И.Г. Неупокоева, Г.И. Ломидзе и мн. др.). Труды М.М. Бахтина, В.С. Библера, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, С.С. Аверинцева, Г.Д. Гачева, И.П. Смирнова, В.Н. Топорова, М. Эпштейна и мн. др. расширялось культурное пространство художественной словесности, открывалась перспектива «культуры общения культур». М.М. Бахтин подчеркивает, что творчество возникает в социокультурном общении, в контексте жизни и исторического движения культур, поэтому «категорией творчества ... обозначается способ представленности человека в культуре, или, точнее, способ жизни человека в культуре». Проблему возникновения в определенных историко-культурных условиях качественно нового типа литературы изучает словацкий компаративист Д. Дюришин и с помощью понятий «межлитературный синтез» и «межлитературная общность» доказывает специфические черты тех зональных или региональных литературных систем, которые отличаются особой интенсивностью взаимодействия.

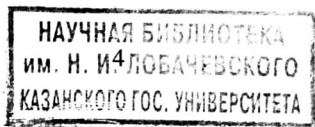
Растущий интерес литературоведения к транскультурной литературе связывается с появлением множества примеров проявления феномена культурной «гибридности», художественного текста, созданного на стыке культур. Можно выделить основные мировые центры формирования транскультурной (пограничной) литературы, представителями которой являются авторы с мировым признанием (С. Рушди, Г. Ансальдуа, К. Исигуро, Эми Тан, О. Памук, И. Бродский, А. Макин и др.). Это латиноамериканская разноречивая многосоставная литературная общность как уникальная система, которую отличает принадлежность к крупнейшему в истории мировой цивилизации культурному синтезу. В трудах отечественных латиноамериканистов воссоздается формирование особого типа латиноамериканского художественного сознания, по-новому позиционирующего себя в мировой культуре (А.В. Вашенко, В.Б. Земсков, Я.Г. Шемякин, С.И. Семенов, А.Ф. Кофман и др.). По мнению исследователей, аналогов латиноамериканскому феномену, кроме России, во всемирной истории нет.

Проблемы влияния мультикультурализма на художественную литературу особенно активно осмысляются американистами, поскольку в литературном процессе США последней четверти XX века происходит вычленение и осмысление национально-этнических составляющих (М.В. Тлостанова, М.П. Сухотина, О.Г. Сидорова, Е.М. Бутенина, М.К. Попова и др.). Кроме афро-американской литературы, сформировавшейся раньше, выделяется англоязычная литература коренного населения Америки – индейцев, литература латиноамериканского меньшинства – «чиканос», а также азиатско-американская литература. Слияние традиций и культурных форм запада и востока позволяет рассматривать новую «восточно-западную» литературу как гибридную и «андрогинную» (по определению Г. Чхартишвили).

Интерес литературоведения возрастает к «постколониальной» литературе, создаваемой творческими усилиями преимущественно англоязычных писателей – выходцев из бывших «периферийных» территорий, бывших британских, французских, испанских, португальских, голландских колоний. Общекультурные вопросы транснациональной литературы, проблематика разрыва между языком и национальностью осмысляются в работах Э. Саида, Х. Бхабхи, Г. Спивак, С. Рушди, Дж. Скиннера, Г. Чхартишвили, М.В. Тлостановой, С.П. Толкачева, О.Г. Сидоровой и др. Расширение горизонтов англоязычной литературы повлекло за собой изменение понимания и термина «английская литература», в который сегодня включаются новые составляющие.

Таким образом, границы в пространстве культуры наделены способностью не только разделять, но и связывать, выступая местом встречи разнородных смысловых потоков и рождения новых смыслов. Понятие не разделяющей, а соединяющей границы становится ключевой и в диалоговой концепции М.М. Бахтина. Продуктивную функцию границы в процессах образования семиосферы разрабатывает также Ю.М. Лотман. Для литературы «пограничья» значим сам момент стыка, ситуация переходности и транзитивности. Модель транскультурной литературы объективно близка и внутренне присуща российскому поликультурному пространству. В этом смысле русскоязычная литература, возникшая как результат междокультурного синтеза, требует дальнейшего углубленного изучения, пересмотра в соответствии с современными концепциями и создания персональной теоретической модели. Так, в исследованиях С.Ж. Балданова и О.Ю. Барановой разрабатывается новое измерение русскоязычной литературы Сибири, подтверждается гипотеза, что по условиям возникновения и по своему качеству она может быть сравнима с латиноамериканским литературным пограничьем.

Художественные возможности якутской литературы в общемировом культурном пространстве, в системе координат мировой, русской и сибирской литературы являются предметом последовательного изучения (А.А. Бурцев, Н.Н. Тобуроков, М.Г. Михайлова, З.К. Башарина, Д.Е. Васильева, А.Н. Мыреева, А.А. Билукина, П.В. Максимова, Л.Н. Романова, М.Н. Дьячковская, И.С. Емельянов, А.М. Скрыбина, О.И. Пашкевич и др.). Накоплен необходимый для обобщения художественный материал по якутской русскоязычной поэзии, оп-

ределен ее новаторский характер в соотношении с национальными традициями (П.В. Максимова, Л.Н. Романова, Е.В. Дишкант).

Вышеизложенное на теоретико-методологическом уровне определило научную проблему настоящего исследования. Актуальность проблемы, научная и практическая значимость, недостаточная изученность обусловили обращение к теме исследования: **«Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности».**

Объект исследования – поэтические и прозаические тексты на русском языке транскультурных авторов-якутов.

Предмет исследования – специфические художественно-эстетические особенности русско-якутской транскультурной литературы, раскрывающие феномен культурной «гибридности» в его литературном проявлении.

Цель исследования состоит в выявлении художественно-эстетических особенностей якутской русскоязычной литературы как явления, обладающего, во-первых, общетипологическими чертами глобального феномена транскультурной литературы; во-вторых, как направления в рамках национальной (якутской) литературы.

Гипотеза исследования. Художественно-эстетические поиски русскоязычных авторов отражают не только сам факт активного взаимодействия двух культур, но и свидетельствуют о качественно новом образовании, формировании нового типа национальной литературы транскультурного свойства. Специфика русскоязычного творчества якутских авторов как литературы и культуры транскультурного (пограничного) типа образует линию сопоставимости с мировыми аналогами. Творчество русскоязычных авторов, являющееся качественно новым продуктом синтеза разных культур, можно объединить в один типологический ряд «иноязычных» в рамках конкретной национальной художественной традиции: англоязычных, франкоязычных, испаноязычных, португалоязычных, русскоязычных и др. литератур.

В соответствии с целью, объектом, предметом и гипотезой исследования поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать теоретические аспекты изучения междисциплинарных взаимодействий, основные принципы сравнительного изучения литературного процесса.

- выявить степень изученности транскультурной (пограничной) литературы как новой исследовательской проблемы в различных культурных контекстах.

- обосновать возможность и закономерности определения якутской русскоязычной литературы как транскультурной и пограничной по отношению к литературе мейнстрима.

- выявить общие черты транскультурного художественного сознания, общие принципы поэтики, специфику и своеобразие способов их репрезентации в русскоязычной литературе Якутии.

- рассмотреть тему поиска идентичности в русскоязычной литературе Якутии на таких уровнях поэтического текста, как проблемно-тематические особенности и стилистические доминанты в своеобразии раскрытия авторского «я».

- показать принципы моделирования концепции мира и человека, стиливых и текстуальных особенностей, жанровых форм русскоязычной прозы.

Теоретико-методологической основой исследования послужили основные научные положения диалоговой концепции культуры М.М. Бахтина - В.С. Библера, типологического подхода сравнительного изучения литератур (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, А. Дима, И.Г. Неупокоева и др.), теории функционирования межлитературных общностей и синтезов Д. Дюришина, исследований по проблемам межтекстовых связей (Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, М.Б. Ямпольский, В.Н. Топоров, М. Гаспаров и др.), концепции интертекстуальности (Ю. Кристева, Ж. Деррида, Р. Барт, Ж. Женетт), теории постмодернизма (М.Н. Липовецкий, И.С. Скоропанова, И.П. Ильин, М. Эпштейн, М. Фуко и др.), постколониальных исследований (Э. Саид, Г. Спивак, Х. Бхабха, С. Рушди и др.), концепций маргинальности и проблемы границы (Р. Парк, Э. Стоунквист, Г. Зиммель и др.), исследований по проблемам мультiculturalной, постколониальной литературы (М.В. Тлостанова, Г. Чхартшвили, Е.М. Бутенина, С.П. Толкачев, О.Г. Сидорова, М. К. Попова и др.), литературы латиноамериканского пограничья (В.Б. Земсков, А.В. Ващенко, Я.Г. Шемякин, С.И. Семенов, А.Ф. Кофман и др.), типологических особенностей литературного процесса в странах Азии и Африки (И.Д. Никифорова, В.Н. Вавилов, Н.Д. Ляховская и др.), теории персональной модели литературного творчества (Вл. А. Луков), исследований по проблемам русско-якутских литературных связей (М.Г. Михайлова, А.А. Бурцев, З.К. Башарина, П.В. Максимова - Сивцева, Л.Н. Романова, И.С. Емельянов), региональных особенностей других русскоязычных литератур СНГ (С.Ж. Балданов, О.Ю. Баранова, П.В. Михед, Н.Р. Мазепа и др.) и др.

Для решения поставленных задач и проверки исходных использован комплекс взаимодополняющих **методов исследования**: сравнительно-типологический, системно-типологический, сравнительно-сопоставительный, историко-культурный методы изучения литературных явлений и фактов.

В качестве **материала** исследования в данной работе рассмотрена определенная часть творческого актива якутских русскоязычных авторов, которая является наиболее репрезентативной для выявления характерных особенностей национальной литературы транскультурного свойства. Материалом исследования послужили поэтические тексты А.К. Михайлова, С. Осипова, А. Дойду и поэтов литературного объединения «Белая лошадь», прозаические произведения И. Иннокентьева, А. Семенова, А. Дойду, А. Борисовой.

Научная новизна исследования:

- на основе диалоговой концепции культур якутская русскоязычная литература определяется как транскультурное и пограничное художественное явление.

- выявляются специфические художественно-эстетические особенности русскоязычной литературы Якутии с точки зрения ее транскультурного свойства.

- интерпретируется проблема идентичности, способов репрезентации «гибридного» художественного сознания в творчестве русскоязычных авторов в контексте тенденций мировой транснациональной литературы.

- раскрываются основные особенности постмодернистских тенденций и жанровых форм как показателей художественных поисков в современной транскультурной литературе Якутии.

Теоретическая значимость заключается в теоретическом обосновании транскультурной (транснациональной) литературы как новой исследовательской, методологической проблемы; обосновании возможности использования основных теоретических и практических аспектов изучения транскультурных художественно-эстетических феноменов в качестве средств построения персональной модели русско-якутского литературного пограничья.

Практическая значимость состоит в возможности практического применения результатов исследования в качестве вспомогательного материала для изучения литературного процесса Якутии и других художественных явлений многонациональной российской культуры, в частности, национальных literatur на русском языке.

Апробация и внедрение результатов исследования. Промежуточные и итоговые результаты исследования обсуждались на *международных, всероссийских, межрегиональных, республиканских научно-практических конференциях*: «Язык. Культура. Общество» (г. Москва, 2007 г.), «Художественное наследие национальных литератур XX века в общероссийском культурном пространстве: проблемы взаимодействия» (г. Якутск, 2006 г.), «Северо - Восток Азии в контексте мировой и отечественной истории (Якутия: 375 лет вместе с Россией)» (г. Якутск, 2007 г.), «Г.И. Чиряев и развитие производительных сил республики» (г. Якутск, 2006 г.), «Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного творчества» (г. Якутск, 2006 г.), «Пути и проблемы развития литератур народов Сибири» (Кызыл, 2006 г.), «Научно-практическая конференция молодых ученых и аспирантов ИГИ АН РС (Я)» (г. Якутск, 2005 г., 2006 г., 2007 г., г. Нерюнгри, 2005 г.), «Писатели и эпоха: феномен братьев Даниловых» (г. Якутск, 2007 г.), «Русское слово и словесность в республике Саха (Якутия)» (г. Якутск, 2006 г.), «Сергей Васильев-Борогонский: поэт и гражданин» (г. Якутск, 2006 г.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Русскоязычное творчество авторов-якутов определяется как транскультурное (пограничное) художественное явление в рамках якутской литературной традиции.

2. Транскультурная (транснациональная) литература как новая исследовательская проблема привлекает внимание исследователей в разных культурных контекстах. Транскультурная литература есть глобальный феномен и явление мирового порядка. В этом плане открывается перспектива типологического сопоставления русскоязычного творчества с мировыми аналогами транскультурной литературы.

3. Специфичность русскоязычного творчества авторов-якутов определяется культурной и эстетической пограничностью, полифоническим типом худо-

жественного сознания, созданием своеобразной картины мира в контексте не только якутской и русской литературной традиции, но и в объеме культуры как целого. При этом выбор языка творческого самовыражения в их произведениях не равен выбору национальной принадлежности.

4. Национальное своеобразие русскоязычной литературы Якутии одновременно углубляется в своей специфичности и обретает множество новых черт. С другой стороны, транскультурное творчество авторов-якутов преодолевает языковую замкнутость национальных традиций и в этом ракурсе умножает степень свободы в выборе тем, образов, предполагает открытость и взаимную вовлеченность элементов разных культур.

5. Основной проблемой русскоязычной литературы Якутии является проблема идентичности, расхождение между языком и национальностью, поиски самоопределения. В этом аспекте она отразила художественные и эстетические искания литературы, формирующейся на стыке культур, традиций, на этапе исторического рубежа, смены методов творчества.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, степень изученности в мировом, отечественном и якутском литературоведении, обозначаются объект и предмет исследования, указываются цель и задачи, теоретико-методологическая основа, практическая значимость, излагаются основные положения диссертации, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические аспекты изучения транскультурной литературы» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Основные проблемы и направления изучения межлитературных взаимодействий»* рассматриваются этапы становления принципов и методов сравнительного изучения литератур, научных поисков в этой области.

В трудах А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Н.И. Конрада, И.Г. Неупокоевой, А. Димы и др. разрабатывается традиционный принцип историзма, являющийся основой сравнительно-исторического (сравнительно-типологического) метода изучения литератур. Типологический подход в отечественном литературоведении теоретически обоснован В.М. Жирмунским.

Ю.М. Лотман, подчеркивая значительный вклад академической школы в сравнительное изучение литератур, отмечает, что за пределами внимания исследователей остается обширный круг факторов, в которых импульсом к взаимодействию оказывается не сходство или сближение (стадиальное, сюжетно-мотивное, жанровое и т.п.), а различие. Указывая необходимость типологического подхода в сравнительном изучении литератур, Ю.М. Лотман рассматривает возможность расширения исследовательского материала: «... ибо то, что близко европейцу, может выглядеть иначе с позиции других культур». При этом поиски чужого, непонятного, не знакомого представляются ему не только

слабо изученными, но и более продуктивными для развития культуры и литературы.

Ряд современных исследователей (Р. Уеллек, Р. Этьембль, Ю.М. Лотман, Н. Высоцкая, И. Шайтанов, М.В. Тлостанова, Н.Т. Пахсарьян, Ю.Б. Виппер и др.) пересматривают традиционное стремление в течение многих лет делить литературы на «влияющую» и «воспринимающую», сводить сравнительный анализ литературных фактов и явлений к выяснению «влияний», будто бы обусловивших их существование. Типология как необходимый методологический принцип нуждается в разработке других теоретических подходов к осмыслению диалогической природы закономерностей развития литературы.

На рубеже 60-70-х гг. XX в. появляется представление о подвижности и открытости границ текста для взаимодействия с другими текстами. Принцип диалогичности текстов культуры (М.М. Бахтин, В.С. Библер) послужил основой и своеобразным толчком к разработке других концепций. Текст всегда диалогичен, он всегда на грани, так как всегда направлен к другому, он опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание.

Проблема «диалога культур» и межтекстовых связей давно интересует литературоведов и до сих пор остается актуальной. В отечественном литературоведении (Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, М.Б. Ямпольский, В.Н. Топоров, Н.А. Фатеева, Н.А. Кузьмина, П.Х. Тороп, М. Гаспаров и др.) в основу исследования межтекстовых связей положено определение текста как открытой системы для взаимодействия с другими текстами.

Наиболее сложный комплекс проблем связан с логикой и механизмами контактных взаимодействий, при изучении которых наблюдается расширение пределов и функций компаративистики. Решающая роль в этом процессе принадлежит концепции интертекстуальности, опираясь на которую ряд ученых, принципиально отходит от представления о генетических и типологических связях. «Тот, кто говорит о «литературных связях», иначе видит единство культуры, чем тот, кто говорит об «интертексте» (И. Шайтанов). Западные исследователи текста (Ю. Кристева, Ж. Деррида, Р. Барт, Ж. Женетт и др.), основываясь на открытиях М.М. Бахтина, понимают текст как многомерное пространство, где сталкиваются и смешиваются другие тексты. Современные отечественные ученые (И.П. Смирнов, А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, Б.М. Гаспаров и др.) полагают, что если каждый текст является интертекстом, в котором пересекаются трансформированные чужие цитаты, то в любом тексте можно вычлнить следы иноязычного и инолитературного текста.

Понятие «межлитературности» выдвигается в работах международного коллектива ученых под руководством Д. Дюришина. «Межлитературность присутствует в самой структуре произведения как своего рода ценностный ряд, на фоне которого создается произведение...» (словацкий ученый П. Заяц).

Таким образом, предметом современной литературной компаративистики следует считать не только межнациональные сопоставления творчества писателей, литератур как составляющих всемирного литературного процесса, но и ху-

дожественно воплощенный концепт межкультурной, межлитературной «границы» по ту и другую ее «стороны» (Н.Т. Пахсарьян).

Во втором параграфе *«Транскультурная (транснациональная) литература как исследовательская проблема»* рассматривается круг проблем, связанный с изучением транскультурной литературы.

В отличие от мультикультурализма, который устанавливает ценностное равенство и самодостаточность разных культур, концепция транскультуры предполагает их открытость и взаимную вовлеченность. Здесь действует принцип не дифференциации, а интерференции («рассеивания») символических значений одной культуры в полях других культур. Таким образом, транскультура – это состояние виртуальной принадлежности индивида многим культурам (М. Эпштейн).

Впервые именно постмодернизм усилил интерес к альтернативным и маргинальным формам культуры, к многообразным отступлениям от господствующих канонов. Понятия диалога и полифонизма, открытые М.М. Бахтиным, стали предтечей для многих идей постмодернизма. «Не случайно отличительной чертой постмодернизма, его основным творческим принципом является радикальный плюрализм стилей, мировоззренческих моделей и языков культуры» (Е.Н. Лучинская).

М.Н. Липовецкий полагает, что постмодернистским можно назвать такое произведение, к которому применимы, по крайней мере, три свойства, в совокупности названные им «художественной парадигмой постмодернизма»: интертекстуальность, игра и диалогизм.

Изучению фактора мультикультурализма и транскультурности в современном литературном процессе США посвящены исследования М.В. Тлостановой. В американском контексте «пограничье» уже стоит в центре отдельной междисциплинарной сферы исследований (border studies), где литературоведению отведена особая роль. Литература пограничья «американцев - через - де-фис» зародилась благодаря их желанию выразить обе части своего «я» и через это прийти к гармоничному синтезу (Т. Моррисон, Эми Тан, Э. Уокер, Л. М. Силко, О. Ихуэлос, Д. Кинкейд, Ха Цзинь).

Развернутое поле обширного межрасового и межкультурного взаимодействия определяет новый тип латиноамериканского художественного сознания как транскультурного и пограничного. При типовом единстве складывающегося в латиноамериканской традиции типа писателя и его модуса мышления разнообразие инвариантов такого творческого субъекта и соответственно художественных образов Америки отражает этно-культурную неоднородность региона и разнообразие путей поиска самоидентификации (В.Б. Земсков).

Постколониальный дискурс в литературоведении, сложившийся после распада мировой колониальной системы, поставил во главу угла проблему постколониальной идентичности, принципов ее репрезентации в литературе и искусстве. Значительное расширение и дробление литературной карты мира во второй половине XX в., смещение понятий культурного центра и культурной периферии происходит по причине массового появления на западной литературной арене представителей из недавних культурных провинций и окраин.

Английский уже давно стал языком глобализации и международного общения, поэтому голос англоязычных «писателей - андрогинов» не может быть не услышанным в мировой литературе. «Андрогинны конца XX века – первые лазутчики племени, которое, очевидно, будет задавать тон в культуре грядущего столетия». Г. Чхартишвили выделяет три основных мировых центра формирования «андрогинной» литературы – США, Японию и Великобританию, при этом британскую литературу он называет лучшей в мире. Сегодня британская литература рассматривается как явление многогранное, включающее несколько пластов, объединенных термином «Literature in English» - литератур, создаваемых на английском.

Методологической основой для многих исследований транснациональной литературы стала концепция продуктивной культурной гибридности, третьем «времени-пространстве» Х. Бхабха. Исследователь обращает особое внимание на национальную идентичность, строящуюся на границах, «по ту сторону», в пространстве «за пределами» гомогенной культуры или «в промежутке (зазоре)» между различными культурами. Выявлению способов репрезентации гибридного сознания в художественном тексте посвящено исследование Е.М. Бутениной «Гибридная идентичность как литературная проблема: на материале китайско-американской женской прозы XX века». В отечественном литературоведении проблема национальной идентичности активно изучается на базе Воронежского университета. Гибридная идентичность современного американца этнического происхождения рассматривается в монографии М.К. Поповой «Национальная идентичность и ее отражение в художественном тексте».

На примере творчества русскоязычных авторов-бурят О.Ю. Баранова выявляет, что писатели «не чувствуют себя в полной мере принадлежащими ни материнской (бурятской), ни доминирующей (русской) культуре... Но при всем при этом они остаются представителями той нации, которой принадлежат по рождению, в творческом же процессе воспринимающими себя представителями границы».

Проблема границы имеет давнюю историю и огромную литературу, и до сих пор нет устойчивого определения, в чем же состоит сама проблема границ. Выявлению специфических смыслов границы и понятия маргинальности посвящены труды зарубежных и отечественных исследователей (Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, Г. Зиммель, М. Эпштейн, В. Тернер, М. Элиаде, Р. Парк, М. Фуко и др.).

Изучение опыта национальных литератур на русском языке имеет большое значение для осмысления разнородных составляющих в рамках культуры, что особенно актуально для литературной ситуации современной России. В этом аспекте интересно суждение Р.А. Оглы Исмаилова на материале двуязычных и русскоязычных писателей Азербайджана: «Если в силу тех или иных причин писатель выбирает язык другого народа, то никто не имеет права упрекать его в этом. Другой вопрос – какой народ примет этого писателя – народ, с которым он связан по происхождению, или другой – на языке которого он пишет. Этот вопрос решает читатель».

Л. И. Тартаковский, С.Л. Каганович в исследовании русскоязычной поэзии Узбекистана выделяют два типа автора – представителей русской культуры, по разным причинам связавших свою творческую судьбу с узбекским народом, и национальных художников слова, избравших для самовыражения русский язык. Термин «русскоязычная» литература они относят «и к тем, и к другим мастерам слова, не нивелируя отдельные важные особенности их художественного сознания, а лишь условно объединяя их по одному из признаков словесного искусства – языку творчества».

Л.Б. Маргания при выявлении специфики творчества на русском языке писателей Абхазии и Адыгеи, заключает, что «проблематика художественного русскоязычия является главным определяющим признаком принадлежности к национальной литературе».

М.А. Тростина на материале русскоязычной литературы Мордовии 60-80-х годов предлагает рассматривать творчество ее представителей в двух аспектах: «как литературу, влияющую на развитие национальной литературы и культуры в целом, и как литературу, испытывающую на себе влияние национальной культуры и литературы».

Е.В. Дишкант доказывает, что «в поэзии якутских русскоязычных поэтов органично сочетается опыт русской и якутской литератур, это пример творческого взаимодействия национальных литератур и их взаимообогащение духовными ценностями. Русский язык не привел к вырождению национального начала в творчестве русскоязычных якутских поэтов, напротив, он позволил расширить тематику, обогатить формы поэзии и обратиться к новым поискам поэтической выразительности».

Таким образом, одним из дискуссионных вопросов является проблема определения принадлежности русскоязычной литературы к одной из художественных традиций. Бинарная логика включения или исключения из национального канона приводит к спорной проблеме. Если принадлежность к той или иной национальной художественной традиции связывается, как правило, с выбором языка, то русскоязычная литература прикрепляется к традициям русской словесности, рассматривается как органическая часть русской культуры и литературы. Однако эта литература обладает множеством специфических особенностей, обусловленных ситуацией пограничья, которые не позволяют однозначно определять ее как русскую литературу. Логика исключения приводит к противоположному мнению, что русскоязычная литература, благодаря национальной ментальности ее представителей, относится к национальной художественной системе. Суть этих вопросов в совокупности определяет необходимость обращения к новым теоретико-методологическим понятиям и критическому языку. В этом смысле особенно важной становится задача изучения единого фольклорно-литературного полиэтнического пространства сибирского региона. Поскольку в результате развития интеграционных процессов в Сибири, оказывающих влияние на характер междисциплинарных взаимодействий, «появились и другие проблемы, в частности, проблемы литературы пограничья, контактной зоны, культурного коридора и т.д.» (С.Ж. Балданов).

Можно заключить, что тенденция взаимопроникновения и диалога культур перекликается сегодня с литературным процессом современной мировой литературы в целом. Взаимодействия культур, сильно и качественно возросшие и углубившиеся во второй половине XX века, стали катализаторами многообразия художественных исканий, в том числе и формирования новой транскультурной литературы.

Третий параграф *«Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы. Теоретические аспекты»* посвящен обоснованию возможности определения якутской русскоязычной литературы как транскультурной по отношению к литературе мейнстрима.

Современная русскоязычная литература Якутии интересна уже тем, что она эстетически отражает наше время. С одной стороны, это частное явление современного литературного процесса Якутии не может настаивать на своей глобальности и общеизвестности, с другой стороны, в этой литературе «на стыке культур» локальное встречается с глобальным, частное проявляет затаенную в нем всеобщность. Если литературную культуру рубежа веков отличает потенциальный переход в новое «общемировое» качество, создающееся творческими усилиями писателей с мировым значением, общепризнанных как транскультурные, то в этом смысле локальная литература на русском языке якутских авторов является отражением художественных явлений мирового порядка, поскольку содержит в себе определенные семена универсального. В этом аспекте национальные литературы на русском языке как «механизмы» культурообразования обнаруживают сущность и историческую динамику становления, воплощенные вариации литературного пограничья в общероссийском пространстве. «Русскоязычие» таких авторов, как казаха О. Сулейменова, узбека С. Мадалиева, таджикских писателей Т. Пулатова, Т. Зульфикарова, А. Волоса, осетина А. Черчесова, азербайджанца А. Мамедова, украинца Ю. Андруховича, корейца А. Кима, абхаза Ф. Искандера и мн. др., это историко-литературный факт, без которого картина мирового литературного процесса будет неполной. Если взять еще шире – «русскоязычные» литературы стоят в одном типологическом ряду транскультурных (транснациональных) литератур в пределах конкретной национальной литературы.

Начиная с XVII века, с момента присоединения Якутии к Российскому государству, началось взаимодействие двух культур, двух цивилизаций. Вопрос о зарождении русской литературы Якутии самым непосредственным образом связан с историей якутской политической ссылки. Якутская тема в произведениях русских писателей давно привлекала внимание исследователей, и она остается наиболее исследованной на сегодняшний день. Первыми описали якутскую действительность ссыльные декабристы. Вторая волна активизации якутской темы была связана с деятельностью ссыльных В.Г. Короленко, В.Л. Серошевского, В.Г. Тана - Богораза, П.А. Грабовского.

Истоки двуязычного художественного творчества обнаруживаются в дореволюционный период (А.Е. Кулаковский, Н. Д. Неустроев, А.И. Софронов). История зарождения русскоязычной литературы якутских авторов имеет довольно давнюю историю, творческие опыты ее представителей восходят к началу

1900-х годов. Среди первых якутских авторов, выразивших стремления своей души на русском языке, можно назвать имена И.Е. Попова и П.Н. Черных - Якутского. Вторая половина XX века и особенно последние десятилетия стали периодом, когда в литературном процессе Якутии происходил процесс активизации русскоязычного творчества. Персоналии этого художественного явления составляют довольно обширный круг имен: В. Чагыл, А. Михайлов, С. Осипов, А.Дойду, А. Муран, И. Иннокентьев, А. Борисова, В. Оросутцев, А. Семенов, М. Григорьева, Н. Дьячковский, А. Кулачиков и др.

Русскоязычная литература Якутии складывалась и существует в уникальном положении между разными культурами, необходимости свести их элементы в системную целостность. Авторы-якуты, пишущие на русском языке, создают в своих художественных практиках своеобразную гибридную структуру, в которой подвергаются синтезу «чужие» для русского языка культурные коды, способы мышления, психологические особенности, личностная идентификация. Этот процесс выражается не в простой механике соединения разных культурных голосов, но в сложном формировании новой формы видения мира, художественным продуктом которой является феномен транскультурной литературы.

Вторая глава «Художественное своеобразие русско-якутской транскультурной поэзии: проблема идентичности» посвящена поэтическому активу современной якутской русскоязычной литературы, выявлению в ней посредством каких значений, каких символических и метафорических представлений, образов и тем моделируется литературная идентичность. В силу своей специфики особенно поэтическое творчество дает широкие возможности для репрезентации способов самоопределения и самопознания. Категория идентичности позволяет адекватно вписать литературоведческую проблематику в актуальный, окружающий ее философский и культурный контекст. Русскоязычные авторы в своем большинстве имеют «городское происхождение», что тоже оказывает непосредственное влияние на художественные ориентиры творчества.

Первый параграф *«Культурная амбивалентность как центральная категория художественного мира А. Михайлова (1946-1994)»*. «Поэзия А. Михайлова начинает новое стилевое течение в литературах народов Якутии в том современном логическом ключе, что можно определить стремлением к диалогу культур» (П.В. Максимова). Он как никто другой из русскоязычных поэтов, выразил в своем творчестве этнопсихологические черты якутского народа. Его поэтический мир продолжает традиции не только национальной, но и русской классической литературы. При этом выбор языка творчества не равен для поэта выбору национальной идентичности. Важным свойством творческой позиции А. Михайлова является именно культурная амбивалентность, позволяющая совмещать факты духовной и материальной культуры двух народов, их нравов, обычаев, мировоззрения и образа жизни. Поэтически красноречиво предстают в его творчестве два «контрастных» языка *«как белый конь и черный конь в одной упряжке»*. Эта «упряжка» не может не влиять на модель мышления и восприятия первичной и вторичной языковой и культурной картины мира.

На примере творчества А. Михайлова прослеживается, что русскоязычный автор выступает одновременно «переводчиком» и этнографом своей собственной национальной культуры на язык другой. Художественный текст в результате остается в достаточной мере «чужим», незнакомым для восприятия русскоязычного читателя, например, метрополини. Это требует от читателя способность увидеть те смыслы или национально самобытные художественные элементы, которые не поддаются прямому переводу. Транскультурные составляющие в художественном творчестве не стирают различия между родной и чужой культурой, а, наоборот, углубляются в своей специфичности и привлекают к себе особое внимание. Так, например, в ряде стихотворений показателен выбор поэтом таких важных языковых единиц для национальной картины мира, как *сэргэ, хомус, олонхо, алгыс, дойду*, актуализирующих фольклорную эстетику этнической культуры. Одними из средств выражения национального самосознания служат идиллическая зарисовка образа родного деревенского дома, живописное описание предметов якутского быта и искусства, несмотря на то, что поэт родился и вырос в городе Якутске.

Как известно, любое слово в составе художественного текста служит и способом отображения действительности, и формой художественных образов. В транскультурной литературе языковые средства выполняют гораздо усиленную функцию образного «приращения смысла», образуют собственную «кодую систему» (Ю.М. Лотман), которую читатель должен дешифровать, чтобы интерпретировать символические смыслы, связанные с мифопоэтическим подтекстом. В стихотворении «Сенокос» лирический герой признается, что в душе якута – городского жителя все еще живет «крестьянское древнее ремесло». Так, если бы в авторской модели восприятия сенокоса не включился элемент диглоссии (якутское слово «алас», которое в тексте разъясняется как «поляна»), то ассоциативно художественный образ сенокоса мог бы сближаться с описанием сенокоса, например, в средней полосе России русским поэтом. Взаимодействие образных средств, с одной стороны, создает яркую картину лета и сенокоса, с другой – развивает тему национального своеобразия сенокоса, поскольку в результате визуализации слова «алас» возникает обобщенный образ именно якутского аласа, не просто «поляны». В отдельных стихотворениях А. Михайлова особая сила эмоционально - художественного воздействия философских размышлений лирического героя достигается именно на фоне изображения родного «аласа», потому что его образ создает прямую аллюзию с историческим прошлым народа или с этнографическими реалиями якутской природы.

Взаимодействие двух не родственных языков проявляется в примерах гибридизации русской языковой картины мира путем внедрения фольклорно-этнографического контекста, мотивов, архаической символики. Эстетическая и смысловая выразительность этнопоэтики чутко и проникновенно передается поэтом в описаниях поэтических олицетворений и сравнений: «*Стадом белых оленей/ Ледоход бредет по Лене...*», «*Детство жеребенком отскакало...*», «*Вечерней птицей/ в сиянье заката/ хотел бы я быть...*», «*Звонкой струйкой молока/ по небу звезда мелькнула...*».

Полифония и смысловое обогащение достигается посредством объединения в одном художественном тексте аллюзий и реминисценций, связанных с образами русской литературы и якутского народного творчества. Примером межтекстовых (интертекстуальных) переключек служит стихотворение «*Истина*», в котором сближаются два историко-культурных контекста, объединяются образы, восходящие к разным источникам. Сочетание цитаты из творчества В. Баратынского и образа мудрого старика Сэмэккэ из якутского фольклора, обуславливает стилистическую разноплановость и делает восприятие текста более объемным и ассоциативным.

Своеобразие поэтического языка связано, в первую очередь, с феноменом двойного видения, предстающего на ментальном уровне, сближения знаков разных культур, современных и архаичных форм времени в одном контексте. С одной стороны, творчество на русском языке национальных авторов выражает компромисс между идентичностью и этно-культурным «различием», с другой – дает уникальную возможность продуцирования новых смыслов, обогащенных «гибридным» значением.

В транскультурной литературе понятие «дома» приобретает многозначный и сложный смысл, один из которых заключается в психологическом измерении «дома», как пространства идентификации, т.е. принадлежности или непринадлежности. Творчество А. Михайлова в якутской русскоязычной поэзии представляет линию «дома». Стихотворения «*У человека быть должна река*», «*На берегу Амги*», «*Якутску*» несут в себе одну из центральных для поэта мыслей, связанную с чувством дома и родины. В этом плане в диссертации выделяются три основные линии культурно - национального выражения: а) Отношение к природе. Природные образы и мотивы составляют основу художественного мира поэта, они встречаются наиболее часто, при этом сфера природного утверждается как самое репрезентативное воплощение культурного сознания народа саха. б) Характеристика великих представителей народа и значительных личностей в жизни поэта, также характеристика исторической эпохи.

Таким образом, А. Михайлов переносит в русскую культурную и языковую стихию особенности национальной образности, этнопсихологии, представления о вековых ценностях этнической культуры и в этом смысле в его поэзии неизбежно происходят процессы культурно-языковой трансформации.

Второй параграф «*Смена парадигм в русскоязычной поэзии: постмодернистские тенденции (А. Дойду)*». Творчество А. Дойду – Сивцева А. Д. (род. 1941) выступает своеобразным отражением новых поэтических принципов художественной интерпретации действительности. Если творчество А. Михайлова еще утверждает романтический эстетический идеал и в оценке мировоззренческих особенностей его поэзии преобладают слова: «искренность», «душевность», «исповедальность», то для творчества поэтов постмодернистского мироощущения возникает иная знаковая система координат. Важнейшие черты поэтики А. Дойду – русско-якутская пограничность, отбор и сочетание определенных художественных приемов авангарда, ироническое словоупотребление, своеобразная эстетика концептуализма.

Для поэзии А. Дойду характерно кодирование противоречивой современности знаками литературы рубежа веков, среди них созданный им концепт города. Город стал более естественной средой для человека, чем природное пространство. «Каждый город – это вариант мифологической системы, это объяснение мира, которое можно передать и в словесно выраженном тексте...» (Е. Курганов). Так, в стихотворении «Якутск» пространство созданного поэтом города образует обширное поле метапоэтики, при этом город как источник ассоциаций и смыслов рождает явное ощущение пограничности. В описание Якутска втягиваются парадоксальные оппозиции, метаморфозы на границе «своего» и «чужого», метафорические сочетания, выстраивающиеся за противопоставлением: *«город «серый и скучный»./ город добрых начал и обычных печальных концов./ Кто поможет тебе?/ Кто спасет твоё ветхое дерево?/Город-сон, город-явь./ город первой любви и последних надежд...»*. Соединяются совершенно различные смыслы: *города - старика, города - солнце, города-души, города-тени, города-боли, города-калеки, города - провинции*. Якутск показан не только в историческом времени, как древний и современный город, но, в большей степени, как многомерное пространство. Для А.Дойду важен мотив несовпадения культурно-национального архетипа города Якутска с его настоящей действительностью.

Среди тем и ситуаций в поэтическом мироощущении А. Дойду концепция одиночества занимает особое место. Автором даже создается метафора «формулы» человеческого столкновения с миром: *«Союз одиноких сердец, или СОС»*. В этом смысле для его поэзии характерно ощущение «внедомности», особенно сильно проявившемся в осмыслении трагического отрыва человека от земли и природы. В символическом изображении хаоса поэт вновь избирает урбанистическую стихию – город, который отождествляется с образами *«красивого хозяина-диктатора», «великого щедрого чудища»*. В тексте стихотворения «Город» показывается насильственное, мистическое воздействие города на человека, который в результате теряет свою идентичность и становится *«призраком»* в собственном доме. Человек, заброшенный в нелепый абсурдный мир, в город - хаос, лишается убежища «дома», закономерно попадает в состояние «нигидности».

Почти каждое стихотворение А.Дойду – полифоническое пространство, в котором перемешаны различные дискурсы и актуализированы различные культурные коды. Оригинально осмысливается поэтом, пишущим на русском и якутском языках, тема провинциальности, подчеркнутая провинциальностью сюжетов и описанных персонажей. Так, например, условно обозначенный образ чукчи - дикаря на краю земли, представлен, прежде всего, «частицей» естественной среды обитания.

А. Дойду выразил в своем творчестве мировоззрение человека, живущего в эпоху кризиса идеалов, проблему культурной и национальной идентичности, травматического воздействия города на личность, одновременно от нигилизма переходит к ощущению будущности: *«Оставив город в глупой суете,/Я возвращаюсь к прежним берегам, / Отдавись светлой, благостной мечте,/ Вхожу в Зеленый Вечный храм»*. В отдельных стихотворениях поэт описывает

возвращение героя в «дойду» – на родную землю, где нащупывается единственная реальность. Причина кроется в переосмыслении темы «центра» и «периферии», когда герой из внеположенности и отчужденности в городской уродливой среде находит свою идентичность в прошлом, на лоне земли: «В прошлом – топот и бег белогривых коней...». В художественной концепции поэта образ «дойду» выступает как важное средство национальной культурной самоидентификации. Поэт воспринимает «дойду», прежде всего, как свою культурную почву, связывая его с воспоминанием о прошлом.

Эстетическую специфику творчества А. Дойду можно определить как полифонический тип художественного мышления, отражающий многоплановость и противоречивость мира. Стремление видеть все в общекультурном пространстве как сосуществующее, показывать все рядом и одновременно, демонстрируют многие тексты поэта. Например, «Италия! в чорон моих желаний налей-ка много-много солнца...». Открытый процесс языковой интертекстуальной игры выявляется в столкновении в поэтической структуре языков, образов, символов различных культур, что приводит к множественности интерпретаций одного и того же текста. В этом плане отличительными свойствами поэтического языка являются: а) Межъязыковые образования, характерные для практически всех двуязычных авторов. В текстах поэта встречаются якутские слова «алас», «чорон», «ильгэ», «кэскил», «айыы» и др., употребляющиеся как в качестве своего русского эквивалента, так и в качестве «непереводимого» выражения; б) Помимо русско-якутской межъязыковой игры, в текстах встречается тенденция словотворчества на базе заимствований из английского языка. Например, «в ласковых волнах энд флая» («Еще раз про лю»), «кошка кока Коли», «шикарных шопингов», «кат катился колбасой» («От и до»), «Авида-долларс» и др. в) Обнаруживаются черты поэтики абсурдистского юмора, иронического словоупотребления, окказионализмов, жаргонизмов, таких как «нема у них баксов», «от жизни клеовой», «парней крутых», «храбрых хасбулатов», «ходят с пушкой», «от Содома и до Саддама» и др. г) Игра со словом и звуковыми сочетаниями порождает цепь ассоциаций, приобретающих черты футуристического зауми. Например, поэтическая мысль, выраженная в «слитном групповом смысле» слов: «ЕДИНОВЛАДЕТЕЛИВСЕХВСЕХВСЕХВСЕХИСТИН».

В творчестве поэта выделяется принцип игры как один из главных параметров. Многие стихотворения воспринимаются и представляются не в виде законченного поэтического произведения, а в виде текста. В поэзии А. Дойду очевидно стремление к созданию визуальных структур с обнаженной формой, в которых графическая композиция принимает различные вектора. Поэту свойственна игра не только со словом и звуком, но и с графикой, метрикой, ритмикой, фоникой стиха. Все это делается автором как осознанный художественный прием. Так, например, в стихотворении «Песня про Ю» игровой код связан с метафорическим изобретением звукоподражаний, имитирующих пение птицы; в другом стихотворении «Еще раз о Лю...» дополнительный смысл получают даже незначимые единицы – звуки, которые составляют звуковой облик слова «любовь». Особой синергией исполнено стихотворение «Мастер», которое построено на интертекстуальных связях, моделирующих коммуникативный ас-

пект его прочтения. Оно возникло как отклик на уже существующее литературное произведение М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Таким образом, для творчества А. Дойду характерна картина мира, в которой на первый план вынесена полифония культурных языков и кодов, а поэтическое «я» как субъект – противопоставление объекту.

Третий параграф «Особенности художественного пространства в творчестве С. Осипова (род. 1959)». Поэт избирает разнообразные модусы самовыражения, конструируя свой пересекающий любые культурные границы художественный мир.

В поэзии С. Осипова часто встречается экспрессивная тематика преодоления и сближения разных полюсов, контрастов, оппозиций, границ, прорыва через них, что выражает мотив сопротивления давлению осуждающего общественного мнения: *«раздоры запада с востоком/ сотру я в сердце на корню!/ За речь мою, за речь прямую/ Разрежьте надвое язык!/ Закат с восходом я рифмую,/ но добрых различу от злых!»*.

В стихотворении «Восьмистишия» автор метафорично полемизирует с классическими традициями, поскольку призван не к идеализации лучших образцов поэтического искусства или народного творчества, а прорываться каждым своим стихотворением подобно *«финишному рывку»*. Метафорически автор показывает разную функциональную роль бунтующего поэта из *«числа молокососов»*, но *«с кровью на устах»* и легендарного якутского сказителя – олонхосута, *«чья речь сладима чаем за выразительным столом»*. Прямое слово поэта в современном противоречивом мире по определению не может «сладить», более того, оно скорее приправлено «перцем» и «солью».

Образ «земли-матери» воссоздается в стихотворении «Прими мя в лоно, мать или земля!» в качестве художественной формы исповедального обращения к «земле», вопрошающей молитвы утратившего свой путь лирического героя. Через этот «крик души» лирический герой познает свою внутреннюю сущность: *«Не Авель я – и Каином не стал!»*. Строки лирического монолога аккумулируют мучительную попытку исчезнуть в лоне земли по причине трагизма земной ноши, одной из уродливых черт которой является вражда и *«братьев по крови»*, и *«братьев по духу»*. Отчаяние лирического героя достигает высокой точки напряжения, когда он вместе с призывом не делить *«море»* или *«право на просторе»*, значит и «землю», а делить *«горе»*, заключает, что уже слишком *«поздно бить в набат»*. Образ земли в данном случае не связан с общераспространенным мотивом жизнеутверждающей силы земли, родственной связи человека и его почвы.

Образ «земли» и фольклорная тематика особенно осмысливается в сборнике «Юрта». В ряде стихотворений «Юрты» в тематическом единстве представляется на суд читателей некая «фантаσμαгория» с фольклорным, сказовым началом, стилизованной под миф или сказку. Для символического и интертекстуального содержания этих зарисовок характерно смешение, гибридизация языческих, советских, научных, мифологических смысловых элементов. На фоне панорамы северных фольклорных реалий предлагается художественное решение о смыслообразующем начале конусообразной юрты, заложенном

в метафорическом образе «*Хозяйки Земли*». Юрта представляет собой жилище монголоязычных народов. У якутов – это «ураса». Интерпретация реминисценции бессмысленного поиска угла, которым заняты все люди, показывает, что в метафорически высказанной философской концепции поэта, первостепенной и значимой является круглая форма юрты, а не значение ее конуса. В «*Лирическом отступлении*» представляется своеобразный, романтический, игровой способ подгонки «неприкаянной» истории под экзотический миф историка, согласно гипотезе, что на самом деле «*якуты – это заблудшие казахи*». Дается авторское примечание: «Как известно, якуты пришли на север с юга. Местонахождение южной прародины еще не установлено». Эта попытка конструировать личную идентичность вне модели реальной истории сопряжена с нежеланием впускать в «дом» души какие-то «темные» факты будь то прошлого, будь то настоящего. Мерцание образов шамана, уранхяя, историка в ироническом и трагедийном балансировании выражается в ключевом образе моря «*Араал*», теплом, по материнскому ласкающем, но безвозвратно утерянными этими героями. В эпилоге обрисовывается пространство художественно выдуманное, обыгрывающее разнообразные культурные топосы. Образ моря *Араал* пересоздает художественную реальность, изолирует от реальных локалов и погружает в природу воображаемого пространства: «*Море Араал ...Тебя на карте нет./ Но в моей душе – твой южный жгучий свет./... Море Араал...Как брошенная мать пересохло ты от старческой тоски:/ твой народ ушел в край мачехи-тайги*».

Вариации переживания реальности воплощаются в полифоническом художественном сознании, в многообразии культурных голосов и сознаний эпохи, в образе поливариантного мира. Одна из отличительных черт творчества транскультурных авторов заключается в уникальной возможности критической деконструкции всяческих национальных метарассказов и культурных кодов.

В поэтическом сборнике «*Текущий век*» С. Осипов выразил свое отношение к переломному XX веку: «*я выпал из обоймы, я не попал в струю*». Весь сборник выполнен в горькой тональности столкновения со временем, в котором выявились топика изгнанничества и «внедомность» как универсальное качество сегодняшнего мира. В транскультурной литературе, как становится ясным из специфики творчества С. Осипова, проблема идентичности связывается с понятием «дома» не только собственной души, но и с общим пространством культуры. Понятие «дома» интерпретируется поэтом как психологическое измерение в ряде стихотворений, посвященных хронотопу города. Лирический герой поэзии С. Осипова оттесняет образ Якутска на границы, обращается к нему как к чуждому месту. Образ города в творчестве поэта служит своеобразным измерением – городом, отражающим несовершенство, косное движение провинциальной жизни. В мрачных строках, посвященных Якутску, сквозит горечь и острая боль за непростительно брошенную «окраину»: «*Но тебе за окраину эту неловко,/ точно ты ее бросил на произвол?*»

Те или иные написанные с резким сарказмом или даже откровенной яростью строки запечатали в себе порыв к свободе не принадлежать к какой-то одной правде, позиции, культуре, традиции, а сопрягать их все внутри

себя. Творчество С. Осипова ориентировано на создание воображаемого топоса альтернативной реальности и охарактеризовано желанием выйти из системы привычных координат. В развернутом виде хронотоп путешествия по разным мифокультурным парадигмам реализуется в сборнике с символическим названием *«Северо - Юг»*. Отличительное свойство поэзии С. Осипова – это путешествие, не просто сосуществование разных мифокультурных парадигм, а создание личностных мифов. Подобный мотив «внедомности» может рассматриваться в определенной степени и как «многодомность», поскольку поэт умело использует в своем творчестве пересечение разных временных и пространственных границ. Географически, исторически поэт расширяет палитру бытия, включая хронотоп путешествия, вступая в диалог с разными культурами и традициями. Это самоощущение жителя «космополиса» выражает импульсы культурной глобализации, транскультурного видения мира. Таким образом, творчество С. Осипова стало отображением своеобразного положения на границе, в котором проявляется ощущение равнозначности дома и мира.

Третья глава «Русско-якутская транскультурная проза: проблема жанра как модели воплощения мира» посвящена выявлению специфичности жанрового мышления авторов, художественному моделированию концепции мира и человека, стилевых и текстуальных особенностей, способов построения авторского образа. Основным принцип конструирования мира в якутской русскоязычной прозе заключается в постмодернистском мировоззрении, в трансформации жанровых форм, в интегрировании языковых и культурных кодов.

Первый параграф *«Жанровые формы в якутской русскоязычной прозе (И. Иннокентьев, А. Дойду, А. Борисова)»* посвящен изучению модификаций жанровой системы как показателей художественных поисков транскультурной литературы. Разнообразие жанровых форм, обусловленное внелитературными и внутрилитературными факторами, как правило, возникает в результате трансформации и гибридизации жанров. Трансформациями можно назвать такие изменения в структуре жанра, когда один или несколько элементов жанровой модели оказываются менее устойчивыми в результате их объединения, отрицании жанрообразующих доминант, нарушения соответствия между элементами жанрового инварианта, намеренного обыгрывания тех или иных доминантных черт исходной жанровой модели, редукции жанровой модели. Внутренняя динамика творчества И.И. Иннокентьева (род. 1957) отражает тенденции развития и некоторые черты общего эстетического опыта русской литературы конца XX века. Одной из особенностей историко-теоретической панорамы литературы завершившегося столетия является активизация эстетических поисков в жанровой системе и усиление читательского интереса к антиутопиям. Так, в художественной практике писателя И. Иннокентьева прослеживаются типологические черты и тенденции антиутопической традиции, где автор обращается к идейно-художественному осмыслению нравственной, идеологической, духовной проблематики.

Многозначная реальность жизни сопротивляется стремлению воплотить ее через однородную жанровую структуру. Поэтому мы можем на-

блюдать в творчестве автора трансформацию жанров, междоусобия образования и циклизации, в процессе которых возникают: повесть в рассказах *«Пред-рассветные игры воображения, или проклятые воители»*, повесть-дневник *«Некто и Некий»*, и в драматических произведениях наблюдаем ряд примеров жанровых экспериментов: *«Моцарт»* (мини-реквием), *«Дар неба»* (комическая трагедия из первобытной жизни), *«Главный довод защиты»* (пьеса-притча), *«Каннибал»* (микрогипербола) и др. Внутри повести *«Путешествие в страну глазоглядов»* можно выделить также элементы притчи, черты мениппеи, сатирической утопии, путевых заметок, фантастического реализма. Примером жанровых модификаций является повесть - дневник *«Некто и Некий»*. «Гибкость» жанра повести, отсутствие жестких канонов и заданности мотивов расширяют ее границы, позволяют синтезировать различные жанровые черты. В данной повести жанровые модели дневниковых записей, притчи, сказки, антиутопии, мениппеи, фантастического реализма видоизменяются в процессе взаимодействия и тяготеют в своем окончательном синтетическом варианте к рождению новой жанровой формы повести. Возможность их объединения обусловлена сходством жанровой доминанты, которая характеризуется во всех названных жанрах эпическим типом художественного мышления, жанровым содержанием с общим кругом проблем.

Часто новые жанровые формы возникают на основе переосмысления традиционных, как правило, находящихся на периферии жанровой системы или ставшей жанровой архаикой. В этом случае одни черты исходных жанров сохраняются, другие видоизменяются, что позволяет говорить о новых жанровых модификациях. Ярким примером переосмысления традиционного жанра является повесть Ариадны Борисовой (род. 1960) *«Притча о семи»*, которая занимает промежуточное положение между такими ее разновидностями, как дидактико-аллегорический рассказ и притчеобразная повесть или притчеобразное сказание. Автор сохраняет два доминирующих элемента жанрового содержания притчи: назидательность и аллегоричность, однако их качество меняется с изменением других жанровых признаков. Она расширяет по сравнению с каноническим жанром и сюжетное пространство «своего» жанра. Основная сюжетная линия и все художественные приемы служат раскрытию концепта «семь»: семь цветов радуги, семь нот, семь дней недели, седьмой ученик.

Прозаические произведения А. Дойду привлекают внимание тем, что в них воплотилась сложная транскультурная проблематика. Художественный мир писателя оригинально сконструирован в повести *«Небесные охламоны»*, где за всеми композиционными, синтаксическими, лексико-семантическими, полиграфическими построениями усматривается ряд элементов, образующих доминанту, суть которой поиск культурной сущности. Автор умело использует своеобразный прием литературной кинематографичности, обусловленной не только и не столько влиянием кинематографа, сколько самой потребностью автора динамизировать изображение наблюдаемого, столкнуть, отстранить его фрагменты в монтажном сопряжении. Повесть кажется записью документального фильма о жизни главного героя, проживающего в Якутске, в

той или иной степени представляющего самого автора. Прием кинематографа позволяет руководить восприятием читателя-зрителя, осуществляя неожиданные перебросы в пространстве и времени, варьируя крупность плана, сжимая или растягивая время текста.

Таким образом, отличительная особенность русскоязычной прозы отмечается в эстетическом поиске в жанровой системе, поскольку многозначная реальность сопротивляется стремлению воплотить ее через одномерную жанровую структуру.

Во втором параграфе *«Тенденции литературного постмодернизма в русскоязычной прозе»* рассматриваются наиболее заметные тенденции на примере творчества А. Семенова (род. 1961) в соотнесении с теми процессами, которые определяют языковую ситуацию рубежа веков и формируют отличительные черты современной языковой личности. Главной для повестей А. Семенова *«Клипы»*, *«Неистовая ночь»*, *«В поисках утраченного яйца»*, отобразивших специфику поэтики литературного постмодернизма, становится игровая стихия.

Несмотря на то, что имя автора неизвестно широкой якутской публике, его повести не могут оставить равнодушными своей игрой различными компонентами художественного произведения. Примечателен факт, что повесть А. Семенова *«Неистовая ночь»* российские критики назвали яркой талантливой демонстрацией искусства письма. «Вот еще одна повесть о еще одном потерянном поколении. Фактура та же, что и у Ивлиева, у Феллини в *«Сладкой жизни»*, у В. Аксенова и его последователей, у Н. Михалкова в некоторых его фильмах. Достоинствами конкретно этой повести является то, что ее герои знают больше и умнее героев Аксенова и т.д., да еще то, что автор блестяще владеет новейшим молодежным сленгом, к тому же остроумен от природы и широко эксплуатирует это свое дарование. Даже я, который, в принципе все это терпеть не может, да и устал за столько лет от Аксенова, улыбался и смеялся без всякой натуги» (В.И. Гусев).

Сходство прозы А. Семенова с творчеством В. Аксенова объясняется тем, что Аксенов тоже, как правило, не бывает скучным, пресным. Он из тех, кто привнес в русскую прозу «игровое», свободное начало, освежил ее палитру.

В повести *«Неистовая ночь»* иллюзия спонтанного создания текста поддерживается автором сознательно. Прием намеренного абсурда становится одной из доминант стиливого своеобразия повести. Своеобразное творческое «своеволие» выразилось во всех видах неясностей произведения: снабжение текста примечаниями, интертекстуальные модификации из разных источников, монтаж, перевернутые тексты, также разнообразие языковых художественных характеристик, языковых экспериментов. Заметной чертой языковых экспериментов в повести является словотворчество: а) автор образует окказионализмы. Их роль в тексте различна – стремление к более точной номинации, противостояние официальной культуре, ироническое или пародийное представление денотата, языковая игра ради игры. («скисломордился», «бронедитя», «тироннозавр», «фосфорещирующее время», «вместо лица корнеплод», «прикинусь невинным куском протоплазмы»). б) автор

активно использует всякого рода каламбуры, необычные, забавные, аллитерационные созвучия: «Выстрел прогремел, как бонч-бруевич», «лохматым дребезгом», «бутербродные подбородки», «нос-бараболя», «дача. Че Гевара. Боа констриктор. Дача взятки. Чача. Князь Багратион», «волосатый рот»; в) Рифмует рядом стоящие слова: «Лоб. Солоп. Просьба закрывать за собой гроб», «Хиросима и мокалина», «КГБ и КСП»; г) играет со звуковой оболочкой слова: «Клоп пил полк. Хлоп! Клоп влип», «пей до дна и пей да пой» «шел отряд по знамени, шерсть на рукаве»; д) создает пародийно-экзотические слова и комедийные окказионализмы: «В телевизоре сплошная амамба», «мозговые достачи», «моя биоструктура просит колбасы», «гусиной кожей покрылась река» и множество другого полистилистического иронического абсурда.

Но главное художественное своеобразие повести А. Семенова заключается в том, что автор сквозь абсурдистскую реальность, иронический контекст, комедийное звучание произведения выразил глубокий трагизм потерянного поколения. Он нашел новые способы описания окружающего мира, соединив своеобразную дидактику, притчевость, тонкую философичность, онтологическую проблематику с имманентностью смеха, с «веселой относительностью» предметов.

Таким образом, художественные поиски русскоязычных писателей Якутии рубежа веков, связанные с языковыми экспериментами и разнообразием жанровых форм, свидетельствуют о процессах трансформации традиционных представлений о литературных канонах, модернизации способов авторской позиции.

В заключении обобщены основные итоги исследования.

Транскультурное творчество отличает объективная принадлежность нескольким культурам, поэтому оно предполагает диффузию, интерференцию, рассеивание элементов одной культуры в полях другой. Русскоязычная литература Якутии формируется в пространстве русско-якутского пограничья, русско-якутской субэкумены, встречи двух культурных семиосфер, в ситуации транзитивного состояния, рождающего новые смыслы. Рождение этих новых смыслов в сфере художественного сознания не означает уничтожения или замены этнического. Выбор языка творческого самовыражения не равняется выбору национальной идентичности.

Для транскультурной литературы важно ощущение пограничности, связанное с географическим, историческим, мифологическим пространствами и с сугубо личным художественным восприятием жизни и искусства. Закономерность выделения групп стыковых культур внутри российской действительности, таких как русско-якутская, русско-бурятская и т.д., сложившихся на перекрестках субэкумен, в которых идет процесс синтеза культурных начал, вполне очевидна и объективна.

В творчестве современных русскоязычных авторов прослеживаются тенденции, связанные с построением своеобразной художественной картины мира в контексте не только русской и якутской литературных традиций, но и в объеме культуры как целого. Яркая черта – тенденция к нелинейному

многомерному процессуальному познанию мира. Специфические художественно-эстетические особенности якутской русскоязычной литературы подтверждают вероятность определения ее как особого направления внутри якутской литературы. Данное направление мы называем русско-якутское литературное пограничье, транскультурная (транснациональная) литература в рамках якутской национальной традиции, т.е. литературы и культуры мейнстрима. В объяснении мира в русскоязычной литературе доминирует полифоничность, плюрализм культурных голосов и языков, методов, стилей, способов философствования, переплетение разных художественных практик. Особенностью творчества русскоязычных авторов является отражение в их художественных мирах мирового эстетического опыта, культурно-пространственная открытость, готовность вместить в свою картину мира как можно больше. Поскольку литература «пограничья» отражает с достаточной полнотой определенное мировоззрение, специфический способ художественной интерпретации картины мира, имеет свои принципы эстетической оценки, вырабатывает свои художественные приемы, то ее можно рассматривать как художественную систему, построенную на собственных представлениях и методах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Бурцева, Ж.В. Художественно-эстетические особенности русско-якутского литературного пограничья: творчество А. К. Михайлова/ Ж.В. Бурцева// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №25(58): Аспирантские тетради: Научный журнал. – Спб., 2008. С. 54 – 58.

2. Бурцева, Ж.В. «Однажды мы упали в этот мир как в облако...» Тенденции литературного постмодернизма в русскоязычной прозе Якутии конца XX века/ Ж.В. Бурцева // Илин, №4, 2005. С. 64 – 69.

3. Бурцева, Ж.В. Основные тенденции развития современной русскоязычной литературы Якутии/ Ж.В. Бурцева// Гуманитарная наука в трудах молодых исследователей. Вып. 3: Сб. науч. ст. Ин-т гуманитар. исслед.– Якутск, 2005. С. 96 – 110.

4. Бурцева, Ж.В. Современная русскоязычная литература Якутии: постановка проблемы интертекстуальности/ Ж.В. Бурцева// Гуманитарная наука в трудах молодых исследователей. Вып. 4: Сб. науч. ст. Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск, 2006. С. 120 – 129.

5. Бурцева, Ж.В. Активизация лирики в 60-80-е гг.: творческие поиски А. Михайлова в контексте поэзии «шестидесятников»/ Ж.В. Бурцева/ Г.И. Чиряев и развитие производительных сил республики. Материалы республиканской научно-практической конференции. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2006. С. 95 – 99.

6. Бурцева, Ж.В. Русскоязычная литература: проблемы исследования межлитературного синтеза и пограничья/ Ж.В. Бурцева// Наука и образование. №3 (47). – Якутск, 2007. С. 163 – 165.

7. Бурцева, Ж.В. Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: новый подход к изучению/ Ж.В. Бурцева// колл. монография «Россия и Якутия: сквозь призму истории» / Акад. наук РС (Я). Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск, 2007. С. 384 – 395.

8. Бурцева, Ж.В. Русско-якутское литературное пограничье в контексте постмодернизма/ Ж.В. Бурцева// Методологические проблемы изучения истории литератур Сибири. Материалы межрегиональной научной конференции. – Тыва, 2006. С. 105 –110.

9. Бурцева, Ж.В. Литературная кинематографичность как одна из доминант стилового своеобразия повести А. Дойду: «Небесные охламоны»/ Ж.В. Бурцева// Русской слово и словесность в РС (Я): материалы научно-методической конф. Часть 2. – Якутск: Филиал изд-ва ЯГУ, 2007. С. 38 –40.

10. Бурцева, Ж.В. Теоретические модели и проблемы исследования литературного пограничья (на примере русскоязычной литературы Якутии)/ Ж.В. Бурцева //Художественное наследие национальных литератур XX века в общероссийском культурном пространстве: проблемы взаимодействия: мат. Всерос. науч. конф.- Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2007. С. 115 –121.

11. Бурцева, Ж.В. Русскоязычная литература Якутии как модель пограничья и межлитературного синтеза/ Ж.В. Бурцева //Язык, культура, общество. Тезисы докладов IV Международ. конф., Москва, 2007. С. 332.

12. Бурцева Ж.В. «Я – белый подснежник, я – первый цветок» (О творчестве первого русскоязычного поэта П. Черных - Якутского) / Ж.В. Бурцева// Якутский архив, №1 (24) – Якутск, 2007. С. 114 – 117.

13. Бурцева, Ж.В. «Город под Северной Синей Звездой...» (О творчестве поэтов-уроженцев г. Якутска)/ Ж.В. Бурцева // Город Якутск: история, культура, фольклор. – Якутск, Бичик, 2007. С. 328 – 338.

14. Бурцева, Ж.В. Художественные ориентиры прозы И. Иннокентьева: моделирование жанровых форм прозы/ Ж.В. Бурцева// Полярная звезда. № 2, 2007. С. 67 – 74.

15. Бурцева, Ж.В. Язык прозы конца XX столетия: особенности языковых процессов в современной русскоязычной прозе Якутии (на примере повестей А. Семенова/ Ж.В. Бурцева// Лингвистический сборник. Выпуск 3. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2008. С. 56 – 64.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл.п.л. 1,75. Тираж 100 экз. Заказ № 52.

Издательство ЯНЦ СО РАН

677980, г. Якутск, ул. Петровского, 2, тел./факс: (411-2) 36-24-96
E-mail: fedorov@psb.ysh.ru

